

и вполголоса повѣрялъ ему свои впечатлѣнія. Лены уже не было въ комнатѣ.

— Ну птичка, я вамъ доложу! Востѣръ ноготокъ, ухъ, какъ востѣръ!.. Вообразите себѣ, даже въ смущеніе приходишь при немъ, — право! Министръ!

Діодоръ молчалъ.

Этимъ же вечеромъ, когда въ домѣ все спало крѣпкимъ сномъ, Лена сидѣла въ своей комнатѣ и при тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи писала дневникъ.

„Братъ пріѣхалъ. Я къ нему не выходила, но черезъ стѣну слышала, какъ онъ ломался и какъ всѣ ходили передъ нимъ на заднихъ лапкахъ. Особенно возмутительно онъ обошелся съ батюшкой, который въ простотѣ сердечной пришелъ поздравить его съ окончаніемъ курса. И батюшка все-таки послѣ этого лебезилъ передъ нимъ и заискивалъ... Какъ все это противно, гадко! Папу онъ обрывалъ на каждомъ шагу, такъ что мнѣ даже жаль его стало, а мамашѣ, какъ увидѣлъ ее, сказалъ: „что это вы какъ кухарка одѣты!“ Обо мнѣ даже не спросилъ... и это послѣ двухлѣтней разлуки! Какое же тутъ прощеніе и примиреніе, о которомъ толкуетъ мнѣ Демидъ? Не могу я ни простить, ни примириться; напротивъ, я болѣе чѣмъ прежде ненавижу брата. Мнѣ даже его голосъ, его лицо противны... и никакъ не могу я побѣдить въ себѣ этого отвращенія. Чувствую, что не обойдется у насъ безъ исторіи, — впрочемъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Надо же когда-нибудь все это рѣшить окончательно; вѣдь я не дѣвочка теперь, — мнѣ 18 лѣтъ. Неужели я такъ и буду цѣлый вѣкъ сидѣть на отцовскомъ хлѣбѣ?

„Нѣтъ, надо скорѣе все это кончить. Выбрать одно изъ двухъ: или уйти къ Демиду, или...

„Ахъ, дядя-Додя, дядя-Додя! Лучше бы ему не пріѣзжать! Съ его пріѣздомъ все во мнѣ перевернулось, все мое спокойствіе, всѣ намѣренія разсыпались въ прахъ. Какъ только увидѣла я его, такъ поняла, что я вѣдь только одного его люблю и только въ немъ — всѣ мои надежды, вся моя будущая жизнь. Съ нимъ я готова идти на край свѣта и дѣлать чтò угодно, а безъ него я пропаду. Какими дѣтскими и глупыми кажутся мнѣ теперь всѣ мои прежніе планы! И вообще, какая я глупая и никому ненужная дѣвчонка! А можетъ быть, я и пригодилась бы на что-нибудь, еслибы меня воспитывали какъ слѣдуетъ и учили. А теперь грустно думать, что вся моя жизнь такъ пропадаетъ, ни за